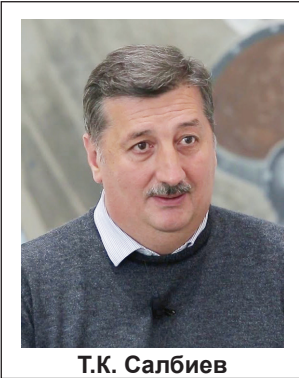

НАУЧНАЯ РАБОТА

УДК 93/94

DOI 10.46698/VNC.2023.71.22.001

Т.К. Салбиев

Рецепция фресок Нузальского храма: Процветший Крест

Тамерлан Казбекович Салбиев

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН им. В.И. Абаева, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Россия, Владикавказ, galabu054@gmail.com

Аннотация. Изучение ритуально-мифологического аспекта рецепции Процветшего Креста, входящего в композицию фресок Нузальского храма, позволяет комплексно и системно рассматривать взаимодействие христианства и осетинской этнокультурной традиции. В результате удается выявить связь этого изображения с солярным мифом, находящую выражение в календарной приуроченности к чествованию покровителя волков Тутыра / Тотура во время весеннего и осеннего равноденствий. Аланский субстрат в карачаево-балкарской традиции, в рамках которого Ашутыр также предстает покровителем охотников, позволяет обосновать возможность Аѳсати выступать в качестве его субститута.

Ключевые слова: осетины, христианство, рецепция, мифология, культ покровителя волков, эволюция.

Для цитирования: Салбиев Т.К. Рецепция фресок Нузальского храма: Процветший Крест // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2023. № 3. С. 8–12.
DOI 10.46698/VNC.2023.71.22.001

Reception of the frescoes of the Nuzal Temple: the Flourishing cross

Tamerlan K. Salbiev

Abaev V.I. Centre for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD, Russia, Vladikavkaz, galabu054@gmail.com

Abstract. The study of the ritual and mythological aspects of the reception of the Flourishing Cross, which is part of the composition of the frescoes of the Nuzal Temple, allows to comprehensively and systematically consider the interaction of Christianity and the Ossetian ethno-cultural spiritual tradition. As a result, it is possible to identify it as an element of the solar myth, which is manifested due to temporal connection with the celebration of the patron of wolves Tutyr / Totur during the spring and autumn equinoxes. The Alan substratum in the Karachay-Balkar tradition, in which Aštotur appears as the patron of hunters, allows to establish a functional background for Aѳsati to act as a substitute for Tutyr / Toturin Ossetian tradition.

Keywords: Ossetians, Christianity, reception, mythology, cult of the patron of wolves, evolution.

For citation: Salbiev T.K. Reception of the frescoes of the Nuzal Temple: the Flourishing cross // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2023. Vol. 23. № 3. P. 8–12.
DOI 10.46698/VNC.2023.71.22.001

Расположенная в небольшой горной котловине, в селении Нузал Алагирского общества, церковь «Нузалы аргъуан» уже давно и по праву признана одним из важнейших памятников Осетии эпохи средневековья. Она привлекает к себе особое внимание исследователей древностей Осетии не только исходным материалом постройки, или своими архитектурными достоинствами, которые неоспоримы сами по себе, но прежде всего своими фресковыми росписями, являющимися, согласно В.А. Кузнецову, уникальными для Северного Кавказа [1, с. 3, 50]. В связи с этим вполне ожидаемо, что именно фрески всегда были в фокусе особого интереса ученых. При этом одним из аспектов изучения фресок стала их рецепция, отражающая их восприятие местной этнокультурной средой.

Следует заметить, что изучение проблемы их рецепции в местном этнокультурном ландшафте вышло на новый уровень, после того как они стали рассматриваться в качестве памятника взаимодей-

ствия двух духовных традиций: экзогенной (христианской) и эндогенной (осетинской этнокультурной традиции). Автору этих строк удалось показать, что ключевую роль для рецепции фрескового комплекса Нузала, состоящего из декорации апсиды и росписи наоса, имеет переход от их историко-богословской интерпретации к ритуально-мифологической, в рамках которого имеет место смена их программной направленности от эсхатологической к сюжету первотворения (подробнее см.: [2, с. 5–18]). Иначе говоря, от эсхатологии, служащей иллюстрацией христианского богослужения, происходит переход к космогенезу, лежащему в основе осетинского традиционного обрядового моления – кувда.

Представляется, что для дальнейшего изучения проблемы рецепции фресок Нузала весьма плодотворным могло бы стать обращение к изображению Процветшего Креста, который, в отличие от фигурных изображений, пока еще не рассматривался с предлагаемой, то есть ритуально-мифологической

точки зрения. В.А. Кузнецов говорит, что этот крест с тремя поперечными рукавами обрамлен в нижней части растительным орнаментом в виде вьющихся, возможно, виноградных стеблей темно-коричневого цвета с округлыми бутонами на концах [1, с. 67]. Нет сомнений в том, что, наряду с другими фигурами росписи церкви, и изображение Креста также несет в себе важные смыслы, раскрывающие подробности сложного процесса взаимодействия двух духовных традиций.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Хотя в целом, по признанию исследователей, проблема генезиса и символики Прोцветшего Креста все еще нуждается в изучении, характерные особенности его иконографии уже позволили сделать ряд ценных наблюдений относительно его изображения в нузальском храме. Описавший его в историко-богословском ключе Д.В. Белецкий указывает на то, что монументальное изображение Процветшего Креста, занимающего практически все пространство западной стены нузальского храма, очень характерно для памятников палеологовского времени по всему византийскому миру. Этот крест, исполненный красной охрой по белому фону, расположен над входным проемом нузальской усыпальницы, в той части церкви, за спиной у молящихся, где чаще всего (хотя и не обязательно) помещали изображения Страшного суда. Он ссылается на общее мнение исследователей, что кресты, расположенные над проемами, ведущими из храма, обладали не только ветхозаветной силой охранительного знака, красный цвет которого был связан с кровью пасхального агнца, прообразом спасительного знака креста и Пасхи господней, но символически они оказываются также связаны и с идеей света. В случае с нузальским храмом «изображение важнейшего и универсального христианского символа подчеркивает также эсхатоло-

Процветший Крест

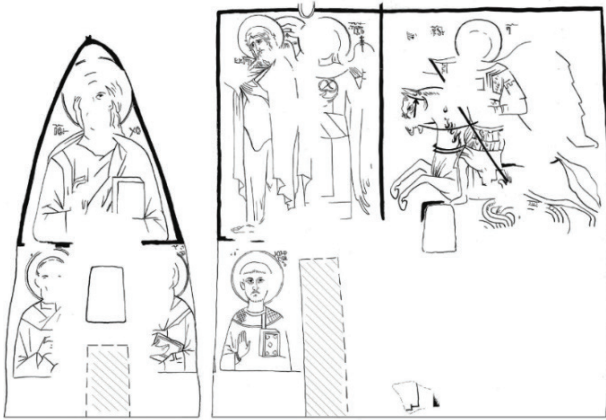
Западная и северная стены храма (по Д.В. Белецкому)

гическую тему, заданную алтарной композицией, символизируя путь к Спасению» [3, с. 41]. Действительно, он расположен над дверным входом и в рамках литургии соотносим с литией, то есть той частью божественной литургии, которая посвящена усопшим. С этой точки зрения Процветший Крест символизирует победу жизни над смертью, света над тьмой.

ПРОЦВЕТШИЙ КРЕСТ

Искусствовед А.О. Татарникова допускает в этом образе не только историко-богословскую, но мифологическую символику, как объединяющее изображение Креста Христова и Древа Жизни. В основе этого символа она видит фундаментальную христианскую доктрину, когда искупительная жертва Спасителя объединяет начало и конец истории, а Древо Креста открывает врата рая для человека, даруя ему вечную жизнь через вкушение плодов Древа Жизни. Ее главный вывод заключается в том, что имея сирийское происхождение, этот образ выкристаллизовался в мастерских Константинополя в начале V в., а затем распространился по всему христианскому миру, став одним из важнейших христианских символов Христа-Искупителя, Евхаристии и Царствия Небесного [4, с. 6, 14]. Таким образом, не остается сомнений в значимости этого образа и, как следствие, в обоснованности отдельного обращения к нему в рамках рассматриваемой проблемы.

С ритуально-мифологической точки зрения главная цель настоящей статьи будет состоять в описании места и роли Процветшего Креста в развертывании космогонического цикла. Для достижения поставленной цели потребуются решить целый ряд задач: выяснить его связь с осетинской календарной обрядностью, описать лежащий в его основе миф, установить участников этого мифологического сюжета, показать его связь с другими фигурами росписи храма, выявить его исторические истоки и проследить его эволюцию. В конечном счете, изучение ритуально-мифологического аспекта рецепции Процветшего Креста, входящего

Восточная и южная стены храма (по Д.В. Белецкому)

в композицию фресок Нузальского храма, позволит рассматривать взаимодействие христианства и осетинской этнокультурной традиции комплексно и системно, без чего невозможно убедительное решение проблемы их рецепции.

Первым шагом на этом пути могло бы стать обращение к осетинской обрядности, что позволяет не только обнаружить в ней сам крест, но также и выявить его дальнейшие ритуально-мифологические связи, чтобы попытаться установить его календарную приуроченность и выявить соотносимого с ним древнего космогонического персонажа.

ГОДОВОЙ ЦИКЛ

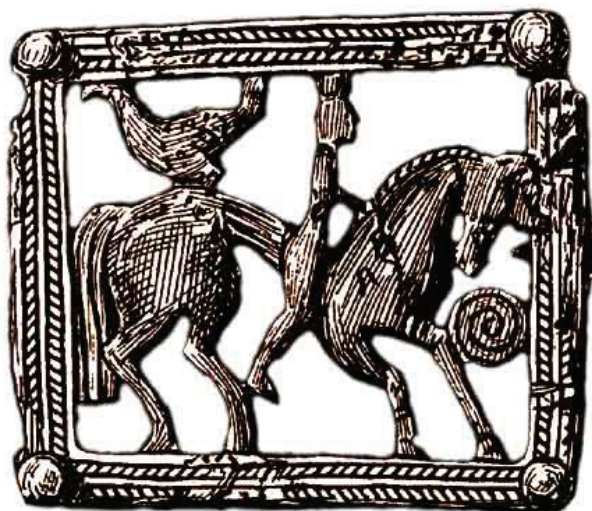
Выскажу предположение, что, с точки зрения взаимодействия двух духовных традиций, высокая вероятность того, что Процветший Крест может быть напрямую связан с теми крестами, которые, согласно записям Л.А. Чибирова, пришивались красными нитками на правое плечо одежды всех членов семьи во время празднований в честь Тутыра. Он также сообщает и о том, что в дни Тутыра в зернохранилище ставили крестики, вырезанные из ясеня, для защиты семян от дурного глаза [5, с. 264, 209]. Уточню, что речь идет об известном празднике весеннего цикла в честь покровителя волков Тутыра, известного уже Вс. Миллеру, со ссылкой на Гативеа, и связываемого им с образом Федора Стратилата [6, с. 427, 437, 457–458], день памяти которого приходится на тот самый первый понедельник, когда осетины этнографической эпохи с утра до заката солнца держали строгий пост.

О крестах, использовавшихся в эти же праздничные дни Тутыра в качестве апотропеев, пишет и В.С. Уарзиати, но у него речь уже идет о железных крестиках, которые выковывались по этому случаю кузнецами и которые по представлениям осетин считались лучшим средством от демонических сил. Далее, он делает важное наблюдение, касающееся смысла самого праздника: «Известные факты позволяют предполагать, что *Стыр Тутыртæ* принадлежит к той категории праздников, которые знаменуют конец одного природного цикла и начало

другого – момент важный для всякого традиционного общества. Отмечая переход от зимы к весне, три дня *Тутыртæ* олицетворяли собой космогоническое обновление, стремление обрести сакральную чистоту, свойственную изначальному состоянию мироздания. В этом смысле подготовка и переход к весенне-полевым работам является лишь одним аспектом символики циклического возрождения. Если вспомнить, что этот праздник, как правило, отмечают в марте, в том месяце, когда 21-го числа начинается астрономическая весна, то предложенные интерпретации оказываются правомочными» [7, с. 57–59]. Высказанное весьма ценное предположение, безусловно, нуждается в дополнительной аргументации.

В этой связи заслуживает упоминания и то, что, согласно В.С. Уарзиати, осетинский праздник в честь *Тутыра* / *Тотура* отмечался не только весной, но и осенью [7, с. 108–109], но теперь уже во время осеннего солнцеворота. С точки зрения христианства подобная приуроченность представляется вполне вероятной также и в случае контаминации двух Федоров, старшего – *стратилата*, то есть «полководца», и младшего – *тирона*, то есть собственно «новобранца», день памяти которого, согласно православному календарю, отмечают в субботу на первой неделе Великого поста, по старому стилю это – 27 февраля, а по новому стилю – 12 марта [8]. Дата хотя в точности и не совпадающая с астрономическим равноденствием, но близкая к нему. В целом подобная парность, или дублирование весеннего праздника в осеннем цикле, хорошо известна традиционным культурам. В обоих случаях решающую роль играет соотносительность подобных парных праздников с годовым, то есть солнечным, циклом.

Во втором случае, применительно к осеннему равноденствию также следует предполагать совпадение, или контаминации, двух христианских образов, теперь уже ясно различимых в осетинской этнокультурной традиции. Речь идет о покровителе охотников *Æфсати*, который, в отличие от *Тутыра* / *Тотура* представлен на фресках нузальского храма. В.А. Кузнецов был одним из первых, кто допустил связь осетинского покровителя диких животных, которому молятся охотники, с изображенным на фресках Евстафием Плакидой, сам исходный образ которого – что не вызывает у него никаких сомнений – очень древний [1, с. 70–71]. Несмотря на возражения против подобного отождествления двух персонажей – исконного и заимствованного, не вдаваясь в подробности дискуссии (подробнее см. [9, с. 188–207]), замечу, что осетинский этнографический материал никак ему не противоречит. В христианской традиции общий для двух персонажей, то есть Евстафия Плакиды и Федора Тирона, оказывается устойчивая связь с эсхатологией и, как следствие, их взаимозаменяемость на фресках. Д.В. Белецкий замечает, что на подобных росписях Федора Тирона даже изображали чаще, чем Евста-

Бронзовая поясная пряжка из могильника
с. Урс-дзуар, Южная Осетия

фия Плакиду [3, с. 35, 42]. Теперь важно показать возможность их адаптации осетинской этнокультурной традицией.

Заслуживает упоминания то, что, согласно справедливому наблюдению Б.А. Калоева, в отличие от других небожителей осетин Афсати не имел нигде своего святилища, кроме того, в честь его не устраивали особого празднества. Исследователь замечает: «В народной мифологии он изображается глубоком стариком с длинной белой бородой, сидящим где-то высоко на горе, откуда он следит за своими стадами» [10, с. 359]. Однако день памяти Евстафия близок к осеннему равноденствию и приходится на 20 сентября (3 октября), что также обеспечивает его соотнесенность с годовым циклом. Сближению Тутыра и Афсати также способствует их общая функция покровителя охоты, которая утрачена в осетинской традиции, но сохранилась, согласно М.Ч. Кудяеву, в карачаево-балкарской, где представлен одноименный персонаж Уас-Тотур, к которому обращаются с молитвенным призывом об удачной охоте [11, с. 14]. Знаменательно и то, что и в карачаево-балкарской традиции праздник в честь Аштотура справлялся дважды в год, осенью и весной.

В этом случае, исходя из контаминации двух персонажей, становится возможным вести речь о так называемом Черном всаднике (*Сау барææ*), хорошо известном в осетинской устной народной традиции и восходящем, как представляется, к изображению, представленному на бронзовой пряжке из могильника в районе югоосетинского селения Урс-дзуар (подробнее см. [12, с. 149–153]). Подобное сопоставление находит поддержку в не так давно разобранных В.Т. Чшиевым сценах охоты с участием антропоморфных персонажей, представленных на бронзовых поясах из погребений №№ 74 и 76 из Тлийского могильника, где, как он полагает, в образе конного всадника удастся распознать «Покровителя диких зверей», то есть праобраз осетин-

ского Афсати [13, с. 284–285, 287]. Возвращаясь к вышеупомянутой бронзовой пряжке, следует заметить, что ее сюжет носит выраженный космологический характер, где всадник оказывается в центре космогонического цикла, между двумя его частями: позади него, на крупе коня, расположена птица, обращенная назад, в прошлое, а перед ним – солярный образ, символизирующий будущее, к которому направляется его конь.

Несмотря на возражение Г.Н. Керцовой против мифологической интерпретации спирали перед грудью лошади в качестве солярного символа, которая, по ее мнению, является «декоративным элементом, крепящим конструкцию пряжки» [14, с. 159], нельзя игнорировать такую хорошо известную специалистам особенность мифологического сознания, как диффузность. Обобщив существующие в этой области наблюдения, Е. М. Мелетинский отмечал, что диффузность первобытного мышления обнаруживает себя помимо прочего также в неотчетливом разделении материального и идеального, конкретного и абстрактного [15, с. 165–166]. Иначе говоря, конкретное еще не отделено от абстрактного, то есть образного, а техническое (утилитарное) – от эстетического. С этой точки зрения, четыре умбона, расположенных по углам пряжки, также не могут считаться сугубо техническими или декоративными, но могут быть вполне уверенно интерпретированы как солярные знаки, соответствующие четырем положениям солнца либо во время суточного цикла (утро, полдень, закат, полночь), либо во время годового (зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие). Таким образом, есть достаточно оснований связывать представленный на поясной пряжке сюжет с солярным мифом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С ритуально-мифологической точки зрения Прцветший Крест оказывается переосмыслен в осетинской духовной традиции в рамках солярного мифа и соотнесен с праздником равноденствия: непосредственно – весенним, когда нашивают красные кресты на рубахи, в честь покровителя волков *Тутыра / Тотура*, а также, опосредованно, осенним, когда празднуют годовые поминки по усопшим в течение прошедшего года (*фæззыгон Тутыртæ*). В рамках нузальской росписи Тутыр оказывается «дублером» *Æфсати*, с которым его объединяет не только общая эсхатологическая направленность, но и покровительство охотникам. Эта функция сошла на нет в осетинской традиции, но сохранилась в балкарской, наследующей аланскому средневековому этнизированному христианству. В рамках предложенной реконструкции, замещающая Святого Евстафия Плакиду, Тутыр выступает в антагонистической паре с Уастырджи, как черный и белый всадники. Их противостояние находит выражение и в одном из преданий устного народного творчества осетин.

Таким образом раскрывается двойственная, амбивалентная природа рассматриваемого изображения Процветшего Креста, сочетающего в себе одновременно светлое и темное начало, жизнь и смерть, зиму и весну. Далее, становится возможным видеть истоки этого образа в бронзовой поясной пряжке из могильника Урс-дзуар, где всадник наделен чертами, присущими в осетинской традиции покровителю охотников *Æфсаму*.

Наблюдается удивительная историческая преемственность исконной духовной традиции, которая обеспечивается не за счет изоляции, а, напротив, в результате открытости миру и взаимодействия с представленными в нем универсальными культурами. Становится очевидно, что сохранение древних образов и символов с необходимостью предполагает не консервацию, а наоборот – их обязательное обновление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В.А. *Реком, Нузал и Царазонта*. – Владикавказ: Ир, 1990. 200 с.
2. Салбиев Т.К. Фрески Нузальского храма как памятник взаимодействия двух духовных традиций // *Известия СОИГСИ*. Владикавказ, 2018. № 28 (67). С. 5–18.
3. Белецкий Д.В. Заметки о Нузальском храме // *Историко-филологический архив*, 2004. № 2. С. 22–57.
4. Татаринова А.О. *Процветший крест в раннехристианском искусстве. К вопросу о генезисе, символике и иконографии образа* // *Новое искусствоведение*, 01. 2021, с. 6–15. DOI: 10.24411/2658-3437-2021-11001.
5. Чибиров Л.А. *Традиционная духовная культура осетин*. – Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.
6. Миллер В.Ф. *Осетинские этюды*. – Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. 716 с.
7. Уарзиати В.С. *Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Том I*. – Владикавказ: Абета, 2017. 552 с.
8. *Православный календарь*. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Days/20170227.html/>
9. Плаева З.К. *Охотничьи обычаи и обряды, связанные с культом Афсаму* // *Nartamongæ, The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Dzæwdžyqæw / Vladikavkaz – Paris*, 2017. Vol. XVI, № 1–2. С. 188–207.
10. Калоев Б.А. *Осетины: историко-этнографическое исследование*. – М.: Наука, 2009. 471 с.
11. Кудяев М.Ч. *Древние танцы балкарцев и карачаевцев*. – Нальчик: Эльбрус, 1997. 144 с.
12. Салбиев Т.К. *О пещере Черного всадника у осетинского горного селения Биз* // *Устойчивое развитие горных территорий*. Владикавказ, 2014. № 4 (22). С. 149–153.
13. Чшие В.Т. *Образ Афсаму осетинского фольклора и традиционной народной религии и изображения со сценами охоты на бронзовых поясах кобанской археологической культуры Кавказа* // *Всероссийские Миллеровские чтения: Вып. VI / Под ред. З.В. Кануковой*. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2018. С. 281–288.
14. Керцева (Вольная) Г.Н. *Находка Е.Г. Пчелиной пряжки из Урсдзуара: семантика композиции на бронзовых ажурных прямоугольных пряжках Центрального Кавказа в 1949–1951 гг.* // *Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 3 / сост. Л.Д. Бондарь; под ред. И.В. Тункиной, Л.Д. Бондарь, А.В. Дарчиева; СПбФ АРАН, СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН, ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева*. – Санкт-Петербург: Реноме, 2022. С. 152–160.
15. Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа*. – М.: Восточная литература, Школа «Языки русской культуры», 1995. 408 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov V.A. *Recom, Nuzal and Tsarazonta*. Vladikavkaz: Ir, 1990. 200 p.
2. Salbiev T.K. *Frescoes of Nuzhalchurch as a monument of the interaction of two spiritual traditions* // *Izvestia SOIGSI. Vladikavkaz*, 2018. No. 28 (67), pp. 5-18.
3. Beletsky D.V. *Notes on the NuzhalChurch* // *Historical and Philological Archive*, 2004. No. 2. pp. 22-57.
4. Tatarnikova A.O. *The Flourishing Cross in Early Christian art. On the question of the genesis, symbolism and iconography of the image* // *New Art Studies*, 01 2021, pp. 6-15. DOI: 10.24411/2658-3437-2021-11001.
5. Chibirov L.A. *Traditional spiritual culture of Ossetians*. Vladikavkaz: Ir, 2008. 599 p.
6. Miller Vs. F. *Ossetian studies*. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian Studies, 1992. 716 p.
7. Warziati V.S. *Selected works: Ethnology. Cultural studies. Semiotics. Volume I*. Vladikavkaz: Abeta, 2017. 552 p.
8. *The Orthodox calendar*. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Days/20170227.html/>
9. Plaeva Z.K. *Hunting customs and rituals associated with the cult of Afsati* // *Nartamongæ, The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Dzæwdžyqæw / Vladikavkaz – Paris*, 2017. Vol. XVI, No. 1-2. pp. 188-207.
10. Kaloev B.A. *Ossetians: historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka, 2009. 471 p.
11. Kudaev M. Ch. *Ancient dances of Balkars and Karachais*. Nalchik: Elbrus, 1997. 144 p.
12. Salbiev T.K. *About the cave of the Black Horseman near the Ossetian mountain village Biz* // *Sustainable development of mountain territories*. Vladikavkaz, 2014. No. 4 (22). pp. 149-153.
13. Chshiev V.T. *The image of the Afsati of Ossetian folklore and traditional folk religion and images with hunting scenes on bronze belts of the Koban archaeological culture of the Caucasus* // *All-Russian Miller readings: Issue VI / Edited by Z.V. Kanukova*. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS, 2018. pp. 281-288.
14. Kertseva (Volnaya) G.N. *Discovery of G.E. Pchelina of the belt buckle from Ursdzuar: semantics of composition on bronze openwork rectangular buckles of the Central Caucasus in 1949-1951*. // *Archeology, ethnography and languages of the Caucasus. Issue 3 / comp. L. D. Bondar; edited by I. V. Tunkina, L. D. Bondar, A.V. Darchieva; SPbF ARAN, SOIGSI named after V. I. Abayev VNC RAS, YUONII named after Z. N. Vaneev*. – St. Petersburg: Renome, 2022. pp. 152-160.
15. Meletinsky E.M. *The poetics of myth*. M.: Oriental literature, School "Languages of Russian culture", 1995. 408 p.